

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК:
НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

УГОЛОВНОЕ И ВОЕННО-УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ П.С. РОМАШКИНА

© 2023 г. А. И. Чучаев

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: moksha1@rambler.ru

Поступила в редакцию 29.12.2022 г.

Аннотация. Петр Семенович Ромашкин (1915–1975) – член-корреспондент Академии наук СССР, доктор юридических наук, профессор; в 1958–1964 гг. возглавлял Институт государства и права АН СССР, после 1964 г. заведовал сектором общих проблем уголовного права Института. Автор ряда трудов по уголовному и международному уголовному праву.

В статье дается анализ его монографии «Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I» (М., 1947) – первого и, к сожалению, последнего в советской и постсоветской уголовно-правовой литературе исследования законодательства петровской эпохи. Рассматриваются общие вопросы уголовного и военно-уголовного права Петра Великого, его отличие как от предшествующего уголовного законодательства, так и от Соборного уложения 1649 г., действовавшего наряду с Артикулами воинскими 1715 г. Исследуются взгляды автора относительно преступления и наказания, отраженных в императорских актах, его оценки о сфере действия указанных Артикулов, видов наказаний, и в частности смертной казни. По ряду вопросов П.С. Ромашкин высказывал собственную точку зрения, поэтому в статье широко использованы работы дореволюционных криминалистов как по уголовному, так и военно-уголовному праву.

Ключевые слова: Петр I, Ромашкин, уголовное право, военно-уголовное законодательство, основные начала, преступление, наказание, виды наказаний, смертная казнь, имущественные наказания, истоки формирования ответственности в уголовном праве.

Цитирование: Чучаев А.И. Уголовное и военно-уголовное законодательство в творческом наследии П.С. Ромашкина // Государство и право. 2023. № 5. С. 32–47.

DOI: 10.31857/S102694520025193-3

CRIMINAL AND MILITARY-CRIMINAL LEGISLATION IN THE CREATIVE HERITAGE OF P.S. ROMASHKIN

© 2023 A. I. Chuchaev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: moksha1@rambler.ru

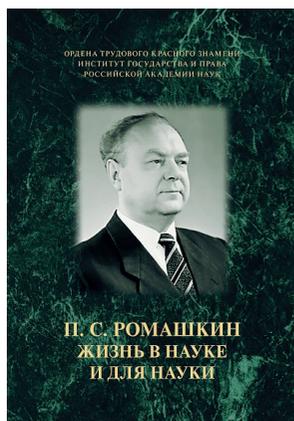
Received 29.12.2022

Abstract. Pyotr Semyonovich Romashkin (1915–1975) – Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor; in 1958–1964 he headed the Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences, after 1964 he headed the Sector of General Problems of Criminal Law of the Institute. Author of a number of works on Criminal and International Criminal Law.

The article analyzes his monograph “The main principles of the criminal and military-criminal legislation of Peter the Great” (Moscow, 1947) – the first and, unfortunately, the last in the Soviet and post-Soviet criminal law literature study of the legislation of the Peter the Great era. The general issues of the Criminal and Military-Criminal Law of Peter the Great are considered, its difference from both the previous criminal legislation and the Cathedral Code of 1649, which operated along with the military Articles of 1715. The author’s views on the crime and punishment reflected in the imperial acts, his assessment of the scope of these Articles, types of punishments and, in particular, the death penalty are investigated. P.S. Romashkin expressed his own point of view on a number of issues, therefore, the work of pre-revolutionary criminologists on both Criminal and Military-Criminal Law is widely used in the article.

Key words: Peter I, P.S. Romashkin, Criminal Law, military-criminal legislation, basic principles, crime, punishment, types of punishments, death penalty, physical punishments, the origins of the formation of responsibility in Criminal Law.

For citation: Chuchaev, A.I. (2023). Criminal and military-criminal legislation in the creative heritage of P.S. Romashkin // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 32–47.

Первые значительные работы П.С. Ромашкина посвящены истории уголовного права России, в частности основным началам уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I¹. Монография с аналогичным названием под редакцией проф. А.А. Герцензона вышла в издательстве Военно-юридической академии в 1947 г.² Оценивая исследование указанных

проблем, проф. М.Н. Гернет отмечал: «Тема небольшой по объему работы... очень широка. Ей были посвящены в разное время многочисленные работы,

обилие которых видно и из приложенного к книге... списка. Если автор, несмотря на такую обильную литературу, занялся изучением названной темы, то у него на это были основания – он подвергает пересмотру некоторые из общепринятых положений относительно уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. В этом заключается интерес и значение... книги»³.

Структура работы проста и логична, соотносится с поставленной автором целью – показать концептуальные основы петровского уголовного и военно-уголовного законодательства. Она объединяет три раздела: уголовное и военно-уголовное законодательство Петра I (с. 3–31); преступление по законодательству Петра I (с. 32–61); наказание по законодательству Петра I (с. 62–92). Обращает на себя внимание столь равномерное (можно сказать, математически выверенное) распределение объема материала, хотя, казалось бы, первый раздел, являясь одновременно и пропедевтическим

¹ Об истории военно-уголовного права подробно см.: Шендзиковский И.А. Конспект лекций по истории русского военно-уголовного законодательства. СПб., 1885.

² См.: Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I / под ред. А.А. Герцензона. М., 1947.

³ Гернет М.Н. Рец. на: П.С. Ромашкин. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I / под ред. А.А. Герцензона. Военно-юридическая академия. М.: РИО ВЮА, 1947, с. 94 // Сов. государство и право. 1947. № 12. С. 81.

в отношении рассматриваемой проблемы, и содержащим общую характеристику не только обширнейшего законодательства Петра I⁴, внутреннего и внешнего положения допетровской России, но и оценку личности императора как великого политического деятеля, носителя прогрессивных идей, теоретика и практика централизованного государства, его усилий по преобразованию Отечества, должен быть намного обширнее.

В этом отношении примечательна, например, представленная на страницах работы дискуссия, посвященная сфере действия Артикулов воинских 1715 г.⁵ Как в дореволюционной, так и в советской и постсоветской уголовно-правовой литературе по этому вопросу нет единого мнения. Сложились две диаметрально противоположные позиции. Сторонники одной из них считают, что Артикулы, будучи специальным военно-уголовным актом, могли применяться только в военных судах в отношении «людей ратных». Другие же утверждают, что они действовали и в отношении иных лиц, осуждаемых т.н. общими судами⁶. Например, П.О. Бобровский, характеризуя военное законодательство Петра I, и в частности его военно-уголовное законодательство, отмечает: «Уголовные законы Петра Великого – Артикул и Процессы – получили применение в гражданских судах, следовательно, они действовали во всем государстве»⁷. Такого же мнения придерживался известный историк русского права В.Н. Латкин, писавший, что указанный акт применялся «не только в военных судах и по отношению к одним военным, но и в гражданских

⁴ Как отмечает П.С. Ромашкин, число указов, изданных при Петре I, громадно. Несмотря на крайнюю неполноту Собрания законов Российской империи, в нем насчитывается 392 указа, изданных за время царствования Петра I, которые содержат в себе те или иные нормы уголовно-правового характера. Многие уголовно-правовые нормы указаны в различных императорских инструкциях (наказах), например инструкции воеводам, инструкции земским фискалам в губерниях и провинциях и др. (см. подр.: *Ромашкин П.С.* Указ. соч. С. 16).

⁵ Вопрос о происхождении Артикулов воинских относится к числу дискуссионных. Одни авторы считают их переводом германских источников (см., напр.: *Белогриц-Котляревский Л.С.* О воровстве-краже по русскому праву. Историко-догматическое исследование. Киев, 1880. С. 93; *Сергеевский Н.Д.* Русское уголовное право. Часть Общая. Пг., 1915. С. 20; *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции: часть общая [в 2 т.] / сост. и отв. ред. Н.И. Загородников. М., 1994. Т. 1. С. 101), другие видят в них оригинальный памятник русского права (см., напр.: *Бобровский П.О.* Военное право при Петре Великом. СПб., 1887. С. 205; *Филитов А.* О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформой. М., 1881. С. 393).

⁶ См. подр.: *Агузаров Т.К., Чуцаев А.И.* Уголовно-правовая охрана власти (XI – начало XX в.). Исторические очерки. М., 2011. С. 75–78.

⁷ *Бобровский П.О.* Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. Историко-юридическое исследование. СПб., 1878. С. 2.

судах по отношению ко всем остальным разрядам жителей»⁸. П.П. Пусторослев исходил из того, что действие Артикула воинского с кратким толкованием царским указом было распространено на общи́е суды, которые применяли их наряду с Соборным уложением 1649 г.⁹

В советской уголовно-правовой литературе также признавался универсальный характер Артикулов воинских. М.Д. Шаргородский, например, утверждал, что по прямому указанию Петра I в сферу их действия входили все деяния, дела о которых рассматривались всеми судами, функционировавшими в то время в государстве¹⁰. Т.И. Шворина пишет: «Для общеуголовных судов он (Воинский устав. – А. Ч.) был действующим законом до издания Свода уголовных законов 1832 года. Многие его постановления, касающиеся ряда составов преступлений и основных институтов общей части уголовного права, послужили основой для дальнейшего развития русского уголовного права»¹¹. Об этом в свое время писал и В.И. Веретенников: «Тайная канцелярия считала правовыми нормами... параграфы Воинских артикулов»; при составлении проекта об ответственности за государственные преступления (1754) был скомпилирован Артикул воинский¹².

В современной литературе, пожалуй, только А.В. Наумов, хотя и очень кратко, в фундаментальном исследовании преступления и наказания в истории России по рассматриваемому вопросу высказывается следующим образом: «Будучи военно-уголовным кодексом, Артикул предусматривал и общеуголовные преступления: посягательства против веры, преступления против особы государя, убийство, половые преступления, поджог, грабеж, ложную присягу. В связи с этим Воинский артикул мог применяться не только к военнослужащим»¹³.

Многие советские авторы, решая вопрос о предмете уголовно-правового регулирования Артикулами воинскими, обращаются к судебной практике, складывавшейся в период их действия. Так, по утверждению А.В. Семеновой, действия декабристов были квалифицированы по нормам

⁸ *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода Империи (XVIII–XIX вв.). СПб., 1909. С. 19.

⁹ См.: *Пусторослев П.П.* Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1: Введение. Источники уголовного права. Преступление. Юрьев, 1912. С. 55; см. также: *Таганцев Н.С.* Указ. соч. С. 101.

¹⁰ См.: *Шаргородский М.Д.* Наказание по уголовному праву эксплуататорских государств. М., 1957. С. 260.

¹¹ *Шворина Т.И.* Воинские артикулы Петра I / под ред. М.М. Исаева. М., 1940. С. 14.

¹² См.: *Веретенников В.И.* История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910. С. 187.

¹³ *Наумов А.В.* Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. М., 2015. Ч. 1. С. 41.

Соборного уложения 1649 г. и Артикулов воинских¹⁴. Согласно материалам судебной практики по Артикулам давалась юридическая оценка по делам о т.н. политических преступлениях. Есть ссылка на Артикулы в приговоре по делу А.Н. Радищева¹⁵. В решении Сената сказано: «По силе воинского устава 20 артикула... отсечь голову»¹⁶. В литературе приводятся и другие примеры осуждения виновных по Артикулам воинским. Так, по приговору Таврического суда от 19 апреля 1817 г. на основании в том числе арт. 154, 155 и 185 были осуждены шесть человек, совершивших убийство, грабежи и кражи из церквей¹⁷.

Оценка сложившегося положения с границами действия Артикулов воинских осложняется, на наш взгляд, тем, что обе точки зрения основываются на одних и тех же обстоятельствах, получивших различную трактовку сторонников той или другой позиции. Так, в качестве довода о подсудности Артикулам воинским не только «людей ратных», но и иных лиц приводится ссылка на Указ от 10 апреля 1716 г. Петра I, в котором говорится: «Господа Сенат, посылаю вам книгу Воинский устав, который зчат в Петербурге и ныне совершен, который велите напечатать число немалое, а именно, чтобы не меньше 1000 книг. И понеже оный хотя основанием воинских людей, однако же касается и до всех правителей земских, как из оного усмотрите. Того дня, когда напечатаете, то разошлите пропорции во все корпуса наших, также по губерниям и канцеляриям, дабы неведение никто не отговаривался, а оригинал оставьте у себя в Сенате»¹⁸.

В.М. Клеандрова замечает, что приведенный выше Указ Петра I относится не к Артикулам воинским как таковым, а к Уставу воинскому¹⁹. Специального указа о применении Артикулов во всех судах не было. Исходя из этого она делает вывод: официального распространения действия Артикулов воинских на все дела, подсудные общим судам, не осуществлялось²⁰.

¹⁴ См.: Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 56.

¹⁵ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / под ред. А.Г. Манькова. М., 1986. С. 318.

¹⁶ Солодкин И.И. Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.). Л., 1961. С. 68, 69.

¹⁷ См.: там же. С. 33.

¹⁸ Цит. по: Шворина Т.И. Указ. соч. С. 14.

¹⁹ Действительно, об этом прямо говорится в тексте Указа. Но нельзя сбрасывать со счетов и того обстоятельства, что Артикулы являлись разделом Устава воинского, следовательно, можно предположить, что повеления государя относились и к ним тоже.

²⁰ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. С. 318.

В этой связи несомненный интерес представляют доводы П.С. Ромашкина, являвшегося сторонником признания Артикулов воинских сугубо военно-уголовным актом, подлежащим применению только по делам, рассматриваемым военными судами, характеризующего его не только как кропотливого исследователя, но и убедительного полемиста, выступившего против в целом, как видим, почти уже устоявшегося к тому времени мнения о сфере действия законодательства.

В статье, специально посвященной вопросу о применении Артикулов воинских Петра I в общих судах, автор, скрупулезно анализируя все без исключения доводы сторонников иной позиции, дает обстоятельный ответ на каждый из них, оперируя при этом законодательством, действовавшим в то время²¹. Последний момент особо подчеркивается М.Н. Гернетом в рецензии на монографию П.С. Ромашкина: «Вся работа... написана... по первоисточникам. Кроме полного собрания законов он использовал доклады и приговоры Сената, памятники законодательства Петра I и архивные дела из Центрального государственного архива древних актов»²².

Ученые, отстаивавшие точку зрения, согласно которой Артикулы применялись не только в военных, но и в общих судах, в целом основывались на заголовке императорского указа от 10 апреля 1716 г., который гласит: «О рассылке книг Воинского устава по корпусам войск, по губерниям и канцеляриям, и о принятии его в основание, как по делам воинским, так и земским»²³. Между тем рукопись Указа не содержит наименования, оно было ошибочно сформулировано составителями Полного собрания законов Российской империи. Подлинник документа, подчеркивает П.С. Ромашкин, хранящийся в Центральном государственном архиве древних актов, не имеет заголовка и «не дает никаких оснований озаглавливать его “... и о принятии его в основание как по делам воинским, так и земским”»²⁴.

Таким образом, делает вывод автор, Указ от 10 апреля 1716 г. не распространяет Артикулы воинские на общие суды, а лишь устанавливает, что Устав воинский, хотя и говорит только о воинских преступлениях, действительно «касается и до всех правителей земских». Как представляется, это обстоятельство подчеркнуто особо, исходя из складывавшихся взаимоотношений военных властей

²¹ См.: Ромашкин П.С. Вопрос о применении Воинских артикулов Петра I в общих судах // Вестник Московского ун-та. Юридические науки. 1948. № 2. С. 3.

²² Гернет М.Н. Указ. соч. С. 82.

²³ См.: ПСЗРИ. 1716. № 3010.

²⁴ Ромашкин П.С. Вопрос о применении Воинских артикулов Петра I в общих судах. С. 5 (в сноске).

с гражданскими властями. Артикулы воинские изъяли «ратных людей» из-под юрисдикции общих судов; иными словами, последние стали неподсудны земским правителям, поэтому во избежание возможных недоразумений между теми и другими властями было признано необходимым разослать Устав «по пропорции во все корпусы войск наших, также и по губерниям и канцеляриям, дабы неведением никто не отговаривался».

Петр I дифференцировал социальную опасность преступников, а следовательно, и наказуемость совершенных деяний в том числе и по их отношению к военной службе. Это обстоятельство нашло отражение в арт. 1 Воинских артикулов, где говорится: «Хотя всем вообще и каждому христианину без изъятия надлежит христиански и честно жить, и не в лицемерном страхе Божии содержать себя: однако же сие солдаты и воинские люди с вящею ревностию уважать и внимать имеют; понеже оных Бог в такое состояние определил, в котором оные часто бывают, что ни единого часа обнадужены суть, чтобы они наивящим опасностям живота в службе Государя своего подвержены не были...». Иными словами, применение в общих судах военно-уголовного законодательства нивелировала бы указанную разницу в оценке общественной опасности содеянного. Именно в связи с этим П.С. Ромашкин считал нелогичным, с одной стороны, распространять действие Артикулов воинских на общие суды, с другой — в это же время (в 1714–1718 гг., т.е. практически в период подготовки и издания Устава воинского) проводить работу по составлению Сводного уложения для них.

По установившейся в петровские времена традиции указы императора повторялись в последующих актах, однако ссылка на Указ от 10 апреля 1716 г. больше в правовых памятниках не встречается, что ставит под сомнение его трактовку как повеления государя о распространении действия Артикулов воинских на общие суды. Разумеется, это косвенное доказательство, но, на наш взгляд, заслуживающее внимания. Более того, как указывает Ромашкин, Воинский устав не назван в числе общих источников Сводного уложения для общих судов, хотя в указах, периодически издававшихся по поводу работы над этим уложением, перечисляются многие акты.

К числу традиций, вероятно, можно отнести и другой довод, приводимый ученым. Как известно, Петр I много внимания уделял тому, чтобы принимаемые им акты доводились до сведения населения, поскольку полагал, что тем самым обеспечивается их исполнение. Поэтому императорские указы расклеивались по площадям, читались в церквях, объявлялись в местах сбора людей. Причем делалось это в специальной обрядовой форме,

с барабанным боем и т.д. Однако ничего этого не было в отношении Манифеста от 30 марта 1716 г. (в современном понимании — преамбулы Артикулов) в связи с изданием Артикулов воинских. В нем говорится: «И дабы неведением никто не отговаривался, надлежит сей Артикул на смотрах, а особливо при всяком полку по единожды прочитывать в неделю, чтобы всяк своего стыда, наказания и бесчестия удалялся и бегал...». Как явствует из текста, круг лиц, до сведения которых необходимо было довести содержание акта, также ограничивался только военными. «И ни слова об осведомлении о Воинских артикулах невоенных. Это опять-таки безусловно свидетельствует о том, что Петр I смотрел на Воинские артикулы исключительно как на военные законы»²⁵.

Вступив в полемику с А.Н. Филипповым, утверждавшим, что «и потом появлялись не раз указы, подтверждавшие необходимость применения тех или иных статей Воинского устава общими судами»²⁶, П.С. Ромашкин резонно замечает: «Прежде всего, если даже “те или иные статьи” Воинского устава Петр I находил нужным применять в общих судах, то отсюда еще вовсе не следует, что он считал весь этот устав или хотя бы часть его обязательным для применения во всех судах. Затем, самый факт появления отдельных указов о частичном применении Воинских артикулов общими судами служит лучшим доказательством того, что Петр I рассматривал эти Артикулы как закон, подлежащий применению только в специальной сфере и требующий для своего применения в общих судах особого о том каждый раз указа»²⁷.

Как отмечалось ранее, придавая Артикулам воинским универсальный характер, все авторы ссылаются на Указ от 10 апреля 1716 г., каких-либо других законодательных актов ни один дореволюционный или современный ученый не называет. По мнению П.С. Ромашкина, это не случайно; дело в том, что таковых не существовало в природе, а суд не был наделен правом изменять или дополнять закон. Полномочия подобного рода входили бы в противоречие с духом времени, позицией по этому поводу самого государя. В Указе от 17 апреля 1722 г. Петр I повелевал: «Сим указом, яко печатью все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзал иным образом всякие дела вершить и располагать не против регламентов, и не точию решить, ниже в докладах выписывать то, что уже напечатано... не отговариваясь в том, ниже толкуя инаго. Буде же в тех регламентах, что покажется

²⁵ Ромашкин П. С. Вопрос о применении Воинских артикулов Петра I в общих судах. С. 6.

²⁶ Филиппов А. Указ. соч. С. 375.

²⁷ Ромашкин П. С. Вопрос о применении Воинских артикулов Петра I в общих судах. С. 6.

темно, или такое дело, что на оное ясного решения не положено; такие дела не вершить, ниже определять, но приносить в Сенат выписки о том; где повинны Сенат собрать все коллегии и об одном мыслить и толковать под присягаю, однакож не определять, но положе например свое мнение объявлять нам и когда определим и подпишем, тогда оное напечатать и приложить к регламентам, и по том действо по оному производить»²⁸.

И напротив, в книге автором приводятся указы императора, согласно которым дела следует рассматривать в судах на основании Соборного уложения, а не по Артикулам воинским.

Наиболее сложной, на наш взгляд, является оценка отношения к судебной практике. П.С. Ромашкин пишет: «Мы не претендуем на полное изучение судебной практики эпохи Петра I. Она очень обширна. Но при ознакомлении с судебной практикой Юстиц-коллегии и Московского надзорного суда мы не встретили ни одного дела, которое было бы рассмотрено в соответствии с Воинскими артикулами»²⁹.

В этой связи представляет интерес объяснение данного феномена, предложенное В.М. Клеандровой. Она считает, что судебные органы не имели достаточно определенной правовой основы для своей деятельности и произвольно ссылались на то законодательство, которое считали наиболее подходящим³⁰. Аналогичное мнение высказывают и некоторые другие авторы. Так, отмечается, что «нормы Артикула об ответственности за многие общие уголовные преступления широко применялись на практике, так как зачастую это был единственный закон, на который ссуды могли ссылаться»³¹.

Как представляется, отрицать применение Артикулов воинских по делам, рассматриваемым общими судами, нет оснований. Однако это обстоятельство не меняет их юридической природы. Являясь частью Устава воинского, Артикулы не могли быть универсальным актом по определению, сфера их действия, по замыслу Петра I, ограничивалась военными судами по делам о «ратных людях». Однако наличие в них норм об ответственности за преступления, не относящиеся к воинским, и обуславливало их применение и к лицам, не находящимся на военной службе. Таким образом, дискуссия практически свелась к вопросу о должном и сущем.

²⁸ См.: ПСЗРИ. 1830. № 3970.

²⁹ Ромашкин П.С. Вопрос о применении Воинских артикулов Петра I в общих судах. С. 7.

³⁰ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. С. 320.

³¹ Памятники русского права. М., 1961. Вып. XVIII. С. 294.

Понятию и признакам преступления, как уже отмечалось, посвящен второй раздел монографии. Следуя избранной методологии исследования, вначале автор показывает генезис и развитие терминов, которыми в русском законодательстве обозначалось преступление: обида, сором, лихое дело и т.д. В Уложении 1649 г. деяние называлось словом «вина» или «воровство», при этом особо подчеркивалось нарушение виновным воли царя («презрев царское повеление») и забвение Божьего страха («забыв страх божи»).

При Петре I впервые вводятся понятия «преступление» и «проступок»³² (надо сказать, что одновременно использовался в законодательстве и термин «злодейство»; в последующем Екатериной I это понятие было расширено и охватывало богохульство и церковный мятеж, «слова противные» на государя и его фамилию, измену и бунт, смертоубийство, разбой и кражу с поличным)³³. В толковании к арт. 19 Артикулов воинских говорится: «Такое же равное чинится над тем, которого *преступление* (курсив наш. — А.Ч.) хотя к действию и не произведено, но токмо его воля и хотение к тому было, и над оным, которой о том сведом был, а не известил»³⁴.

В литературе обоснованно отмечается, что использование термина «преступление» еще не повлекло за собой четкого определения этого понятия, «но послужило толчком к дальнейшему развитию уголовного законодательства и уголовно-правовых взглядов в России. Положения Артикула легли в основу тех статей т. XV Свода законов Российской империи, в которых впервые

³² Как обоснованно указывает А.А. Логецкий, появление указанных терминов свидетельствует о формализации сущности криминального поведения и утрате им религиозного значения (см.: Логецкий А.А. Преступление и проступок в уголовном праве XIX — начала XX веков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 18); см. также: Сухондяева Т.Ю. Российское военно-уголовное законодательство и его эволюция в период абсолютизма (XVIII — начало XX вв.): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.

³³ Считается, что первым законодательным актом, содержащим понятие преступления, является французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г., в ст. 5 которой говорится: «Закон имеет право запрещать лишь действия, вредные для общества. Все, что не запрещено законом, то дозволено и никто не может быть принужден делать то, что не предписано законом» (см.: Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 26).

³⁴ Виновный в Артикулах воинских именуется «преступителем». В толковании к арт. 6 сказано: «Ежели в помянутой вине, *преступитель* (курсив наш. — А.Ч.) не смертию, но токмо на теле будет наказан, то может и церковное публичное покаяние при том же учинить».

В указах Петра I виновный часто также называется «нарушитель государственных законов», «ослушатель», «презиратель указов» и т.п.

в истории России было дано общее определение понятия преступления»³⁵.

Многие ученые, исследовавшие как историю уголовного законодательства вообще или периода правления Петра I в частности либо эволюцию дефиниции преступления, исходят из того, что Артикулы воинские, как, впрочем, и прежнее законодательство, содержат формальное определение рассматриваемого понятия. Например, В. Н. Латкин пишет: «В начале XVIII столетия законодательные памятники (например, Воинский устав) смотрят на преступление с той же точки зрения (формальной), как и Уложение 1649 г., иначе говоря, преступление трактуется как нарушение закона и ослушание царской воли»³⁶. Аналогичное мнение высказывали В. И. Сергеевич³⁷, Н. А. Неклюдов³⁸, Н. С. Таганцев³⁹ и др. Такой взгляд на преступление в целом был, по сути, единственным в дореволюционной литературе, а не только применительно к преступлению по уголовному и военно-уголовному законодательству петровской эпохи. А. Ф. Кистяковский, например, писал: «Преступление есть нарушение закона, установленного для ограждения безопасности и благосостояния граждан, нарушение юридически вменяемое, совершаемое посредством внешнего, положительного или отрицательного действия, по характеру своему состоящее или из насилия, или обмана, или небрежности»⁴⁰.

Как представляется, первым под сомнение поставил указанное выше мнение М. М. Исаев: «В русской дореволюционной юридической литературе довольно распространенным является взгляд, что в Петровское время преступление понималось формально, как “ослушание воли государя”. Несомненно, в понятии преступления того времени не мог отсутствовать формальный момент, любой закон являлся выражением самодержавной воли Петра. Но необходимо помнить, что в условиях преобразовательной деятельности Петра ослушание воле государевой было проявлением не только неуважения к верховной власти, но и отрицанием самих основ обновления России. Такие ослушники были врагами всего государственного порядка. Насколько было проникнуто Петровское законодательство именно государственными

интересами, свидетельствует хотя бы один из многих указов того времени. “Сказать во всем государстве, читаем мы в указе от 22 января 1724 г. (дабы неведением никто не отговаривался), что все повредители и преступники интересов государственных со вымыслу, кроме простоты какой, таких безо всякие пощады казнить смертью, деревни и животы брать, а ежели кто пощадит тот сам тою казнею казнен будет; для того надобно изъяснить интересы государственные для вразумления людям, а партикулярные прегрешения оставлять на старых штрафах и на рассуждении Сената”»⁴¹.

П. С. Ромашкин, анализируя юридическую природу преступления, также приходит к выводу, что в петровском уголовном и военно-уголовном законодательстве его определение охватывало два обязательных признака: нарушение, во-первых, воли императора и, во-вторых, государственных интересов. Иными словами, к этому времени сложилась формально-материальная концепция преступления, предполагающая противоправность деяния и его социальную опасность⁴². Последнее обстоятельство наиболее ярко отражено в Указе Петра I от 14 декабря 1714 г.: «Многие, якобы оправдая себя, говорят, что сие не заказано было, не рассуждая того, что вред и убыток государству приключить может, суть преступление»⁴³. П. С. Ромашкин приводит десяток указов, содержащих упоминание материального признака преступления: «похищение государственных интересов», «повредители интересов государственных», «вред государственному интересу» и т. д.⁴⁴

Государственный интерес в том историческом контексте представляет собой интерес господствующего класса (дворянства и нарождающегося купечества). Исходя из этого П. С. Ромашкин делает вывод: «преступление по законодательству Петра I не есть лишь формальный акт нарушения ни от кого независимой воли царя как чего-то сверхъестественного, нарушения интересов власти надклассовой и внеклассовой, а есть действие, общественно опасное для феодально-крепостнического

⁴¹ Исаев М. М. Предисловие // Шворина Т. И. Указ. соч. С. 4.

⁴² См. об этом подр.: Ромашкин П. С. Преступление и наказание по законодательству Петра I // Ученые записки МГУ (труды юридического факультета). 1948. Вып. 144. Кн. 3. С. 49.

⁴³ Цит. по: Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. С. 47.

⁴⁴ В Присяге или обещании всякого воинского чина людям говорится: «И ежели что вражеское и предосудительное против персоны Его Величества, или его войск, такожде его государства, людей или интересу Государственного (курсив наш. — А. Ч.), что услышу или увижу, то обещаюсь об оном по лучшей моей совести, и сколько мне известно будет, извещать и ничего не утаивать...».

³⁵ Российское законодательство X—XX веков. Т. 4. С. 321.

³⁶ Латкин В. Н. Указ. соч. С. 457.

³⁷ См.: Сергеевич В. И. Лекции по истории русского права. СПб., 1890. С. 487.

³⁸ См.: Неклюдов Н. А. Приложения к учебнику уголовного права А. Бернера. СПб., 1865. С. 235.

³⁹ См.: Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 101.

⁴⁰ Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть Общая. Киев, 1891. С. 235.

государства дворян и торговцев»⁴⁵. По его мнению, отраженное в Артикулах понятие преступления полностью вытекало из представления Петра I о государстве; радея о государственном интересе, он и себя ставил в зависимость от них⁴⁶.

С социальной направленностью деяния, его разрушительным качеством законодатель связывал степень опасности как посягательства, так и преступника, подлежащего наказанию по мере «повреждения государственных интересов и нанесенного вреда и убытку государству». Выражаясь современным языком, имеет место дифференциация ответственности в зависимости от характера и степени опасности содеянного. В этом отношении показательно толкование к арт. 1 Артикулов воинских: «Наказание сожжения есть обыкновенная казнь чернокожицам, ежели оный своим чародейством вред кому учинил, или действительно с диаволом обязательство имеет. А ежели он чародейством своим никому никакова вреда не учинил и обязательства с сатаною никакова не имеет, то надлежит по изобретению дела, того наказывать другими... наказаниями, и притом церковным публичным покаянием»⁴⁷. Аналогичное положение закреплено в толковании к ст. 1 гл. 1 кн. IV Морского устава от 13 января 1720 г.⁴⁸

Позиция П.С. Ромашкина находит отражение и в современной литературе. Так, утверждает,

⁴⁵ Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. С. 48.

⁴⁶ См.: там же.

⁴⁷ В связи с этим представляется недостаточно убедительным утверждение П.С. Ромашкина о том, что существенное различие в опасности таких деяний, как проход через заставы, установленные по случаю моровой язвы, отказ от рассылки печатных указов и их опубликования «в народ», чтения императорских повелений попами в церкви, побег раскольников с места жительства, определенного властями, кража гербовой бумаги, отказ от продажи целовальниками соли в розницу, детубийство, продажа «худой пеньки за границу, продажа нездорового съестного харча и т.д. не сказывалось на возможной каре. За все перечисленные деяния угрожал одно и то же наказание — смертная казнь, хотя их сущность, отражающая различный характер опасности, должна была и обуславливать различие их наказуемости» (см.: Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. С. 50). На наш взгляд, дело в другом. Приведенное обстоятельство свидетельствует не об отказе от дифференциации ответственности, а об оценке опасности (в том числе завышенной) соответствующих деяний, произведенной законодателем с учетом конкретной исторической обстановки и многих других факторов.

Кстати, анализируя в последующем институты стадий и участия, автор сам на примерах ряда норм Артикулов показывает различную наказуемость деяния в зависимости от этапа реализации умысла и роли лица в совершении преступления. Более того, он пишет, что по законодательству наказание зависит «от степени вины. Даже умышленные преступления называются неодинаково» (см.: там же. С. 61).

⁴⁸ См.: ПСЗРИ. 1830. Т. 6. С. 2.

что уже к концу XVII в. сформировалась публично-правовая концепция преступления. Последнее наделялось не только признаком противоправности, но и признаком опасности в силу способности причинения вреда общественным или частным интересам путем нарушения норм, установленных государством (властителем). «Это обстоятельство характеризовало определенную последовательность эволюции понятия преступления: а) как частной обиды; б) как греха, «лихого дела»; в) ослушания воли государя; г) как общественно опасного деяния. Ее основными факторами были: развитие государства, укрепление авторитета и утрата властью сакраментальной основы. В процессе этого преступление постепенно приобретало черты публично-правовой категории. В допетровском уголовном законодательстве преступное деяние было посягательством на частные интересы (потерпевшего), а в последующем согрешением перед Богом, Церковью и государством»⁴⁹.

П.С. Ромашкин, дискутируя с Н.А. Неклюдовым, утверждавшим, что «в эпоху Петра главное внимание законодательства централизуется на действиях само по себе вовсе не преступных, или по крайней мере преступных не в той степени, на какую хочет их возвести законодатель»⁵⁰, пишет, что одно и то же деяние в разные исторические эпохи может быть либо безразличным для интересов господствующего класса, либо опасным для последнего, особенно в связи с возможным изменением форм классовой борьбы. Преобразования, проводимые Петром I, не могли не затронуть понятия преступного и непроступного. Деяния, которые ранее не относились к уголовно наказуемым, стали признаваться таковыми в силу их опасности для «интересов государственных», именно поэтому издавались соответствующие уголовно-правовые запреты, а не наоборот — императорские повеления издавались для того, чтобы признать деяния общественно опасными. Цель всемерной охраны государственных интересов обуславливала карательную политику Петра I, отличающуюся жестокостью (правда, П.С. Ромашкин делает оговорку — он был не более жестоким, чем его предшественники), что особо отметил, в частности, В.И. Ленин, писавший о беспощадной борьбе Петра I с консервативным укладом русской жизни, которую тот вел, «не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»⁵¹.

⁴⁹ Логецкий А.А. Указ. соч. С. 18.

⁵⁰ Цит.: Бернер А.Ф. Учебник уголовного права, части Общая и Особенная с примечаниями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова: в 2 т. Т. 1: Часть Общая. СПб., 1865. С. 235.

⁵¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 301.

При характеристике преступления П. С. Ромашкин обращает внимание еще на одно обстоятельство, относящееся уже к противоправности деяния как необходимого условия признания его преступным. По сути, речь идет об аналогии (этот термин тогда не употреблялся) в законодательстве. В арт. 143 Морского устава говорится: «На преступления, на которые в сей книге примеру нет, чинить решение с совета и доносить в Коллегии. — Все преступления, которые учинятся такие, о которых в сих артикулах точных примеров нет, и такие с генеральной консилиии, как за благо изобретено будет, вершить и наказывать и при возвращении в порт о том немедленно Аншеф командующий должен объявить в Адмиралтейской коллегии, дабы на то новые артикулы положить и сим присовокупить». Следует заметить, что в допетровском законодательстве нормы об аналогии не встречались.

В Артикуле воинском для того времени были достаточно глубоко и тщательно проработаны не только теоретические вопросы преступления, но и других институтов общей части уголовного законодательства. В первую очередь речь идет об институте ответственности, которая связывалась с принципом вины⁵². В императорских повелениях, приводимых П. С. Ромашкиным, практически всегда говорится о наказании «винных людей», «по вине», «смотря по вине», «достойно винам», «смотря по важности вин» и т.д. По утверждению ученого, именно Петру I, а не Екатерине II принадлежит известное выражение (ставшее, по сути, аксиомой уголовного права и процесса), вынесенное им в качестве эпиграфа к работе: «понеже лучше есть десять винных освободить, нежели одного невиннаго к смерти приговорить»⁵³.

⁵² К сожалению, вопреки утверждению некоторых авторов, это концептуальное начало в законодательстве Петра I выдерживалось не всегда. В ряде случаев уголовной ответственности подлежали лица, которые не были виновны в совершении какого-либо деяния, а наказывались, как и в первые десятилетия советской власти, «за связь с преступной средой». За действительно виновных или вместе с ними карались родители, жены и дети, родственники и свойственники, а иногда вообще посторонние лица.

Кроме того, предусматривалась ответственность за т.н. голый умысел.

⁵³ Это же утверждает и М. П. Розенгейм: «Знаменитая фраза, которую обыкновенно приписывают Екатерине Великой, впервые произнесена была или, правильнее, начертана рукою Петра Великого» (см.: *Розенгейм М. П.* Очерки военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. С. 155). Аналогичного мнения придерживался К. Валишевский: «Знаменитая истина уголовного права, из-за которой воздается столько почести Екатерине II: “лучше оправдать десять виновных, чем обвинить одного невинного”, вовсе не представляет исторического наследия великой государыни. Петр собственноручно начертал его даже в военном регламенте» (см.: *Валишевский К.* Петр Великий. М., б.г. С. 77).

По Артикулам «винное дело» означает умышленное или неосторожное причинение вреда. Однако следует заметить, что учение о вине в эпоху петровского правления находилось в зачаточном состоянии, вероятно, именно этим можно объяснить противопоставление в ряде артикулов, например, вины и неосторожности, небрежности и неосторожности, тогда как согласно современному уголовному законодательству в первом случае речь идет о родовом и видовом понятиях, во втором — о конкретном и видовом понятиях⁵⁴. В Артикулах допускается смешение неосторожных и случайных деяний, причем неосторожные преступления называются по-разному: небрежные и винные; ненарочные, невольные и невинные. Однако вопрос даже не столько в терминологической пестроте, сколько в более существенном моменте. Дело в том, что по концепции Артикулов случайные (ненарочные) деяния независимо от их последствий не могли влечь за собой уголовной ответственности. По этому поводу в арт. 159 и толковании к нему прямо сказано: «Но весьма неумышленное и ненарочное убийство, у котораго никакой вины не находитца, оно без наказания отпустится. На пример: егда в поле ученье стрелянию в цель отправится, и случитца, что кто-нибудь за цель пойдет, а его не усмотрят, или побежит чрез место между стреляющим и целью, и тем выстрелом умерщвлен будет, в таком случае учинитель того конечно свободен есть».

Между тем неосторожные преступления подлежали наказанию (арт. 158 и арт. 112 кн. V Морского устава).

П. С. Ромашкин обоснованно отмечает, что в петровском уголовном и военно-уголовном законодательстве смешиваются не только невинное и неосторожное причинение вреда, но и умысел и неосторожность. В качестве иллюстрации он приводит Именной указ и толкование к арт. 158 Воинских артикулов. Указ предупреждает всех лекарей о том, что «буде из них, кто нарочно, или ненарочно кого уморят... им быть казненными смертью», а в толковании сказано: «ежели кто кого с ненависти толкнет, или что со злости на него бросит, или учинит ему что из недружбы, от чего умрет, то оный обыкновенной смертной казни подвержен». Таким образом, делает вывод автор, как в первом, так и во втором случае неосторожное лишение жизни приравнивается к убийству и карается одинаково с ним⁵⁵.

⁵⁴ Например, в арт. 179 говорится: «А ежели каким небрежением и неосторожностью или виною офицеров или солдат, такие подобные пожары в квартирах или инде где учинятца, то оные, которые в том виновны, убыток по судейскому приговору наградить. И сверх того, по изобретению вины и неосторожности, наказаны имеют быть».

⁵⁵ См.: *Ромашкин П. С.* Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. С. 61.

В исследовании Ромашкина в основном рассматривается один признак субъекта преступления – невменяемость. Возраст, с которого наступала уголовная ответственность, в уголовном и военно-уголовном законодательстве не был определен. Лишь в Кратком изображении процессов или судебных тяжб упоминались лица, не достигшие возраста 15 лет, как признаваемые негодными свидетелями, и 70-летние, освобожденные от пыток. Совершение деяния в состоянии психического расстройства («лишения ума», «безумство», «беспамятство», «сумасбродство или под видом изумления бываемые») либо влекло за собой смягчение наказания, либо освобождение от него. Законодательство отражает состояние теоретических исследований по данному вопросу, поэтому оно противоречиво, непоследовательно, в нем отсутствуют критерии признания лица невменяемым. Однако бесспорным является то, что Петр I впервые в истории уголовного права не только выделил в своих повелениях деяния душевно больных, но и признал их обстоятельствами, «уничтожающими» вменяемость.

В период правления государя не сложился единый подход и к оценке совершения преступления в состоянии опьянения. В допетровском законодательстве оно хотя и не влекло освобождения от уголовной ответственности, но, начиная с Русской правды, признавалось смягчающим наказанием обстоятельством. На основании обобщения указов Петра I Ромашкин выделяет три варианта оценки опьянения: а) не оказывает влияния на ответственность (действует принцип, согласно которому «пьянство никого не извиняет, понеже он (преступник. – А. Ч.) в пьянстве уже непристойное дело учинил»); б) усиливает ответственность («когда кто пьян напьется, и в пьянстве своем что злаго учинит, тогда тот не токмо, чтоб в том извинением прощение получил, но по вине вящшею жестокости наказан быть имеет»); в) образует самостоятельное преступление (например, жестокое наказание предусматривалось за явку солдата на молитву или священника на службу в пьяном виде; нахождение в карауле в пьяном виде и т.д.).

«Уголовные законы Петра I, – пишет П.С. Ромашкин, – не знали обобщенных постановлений об ответственности за приготовление к совершению преступления... Только в отдельных случаях законы предусматривали наказуемость приготовительных к преступлению действий»⁵⁶. Причем наказывались они так же, как и оконченное преступление⁵⁷. На основании конкретных артикулов

⁵⁶ Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. С. 74.

⁵⁷ В двух случаях, выделенных в Артикулах воинских, наказание за покушение на совершение преступления предполагалось

и петровских указов можно сделать вывод об отличии приготовительных действий от покушения на совершение преступления. Например, в случае, «кто... в сердцах свою шпагу обнажит», имея намерение «уязвить», но «никакого вреда не учинит», налицо приготовление к совершению преступления; «кто пистолет или шпагу на кого подымет в сердцах, в намерении, что кого тем повредить», тот совершает покушение на преступление.

В законах Петра I различаются оконченное и неоконченное покушение (толкование к арт. 107 кн. V Морского устава, толкование к арт. 164 Воинского устава). При этом добровольно неоконченное преступление влекло меньшее наказание, чем оконченное покушение.

«В соучастии как в преступлении, совершаемом группой лиц, Петр I видел деятельность, особо опасную для государства, – пишет П.С. Ромашкин. – Поэтому Петр I запретил даже “сходбища и собрания” под страхом смертной казни»⁵⁸. По указанной причине за все групповые преступления предусматривались суровые наказания, причем независимо от степени участия виновного в содеянном. При этом соучастие воспринималось очень широко, таковым в том числе признавались прикосновенность к преступлению, а также неосознаваемое участие в группе. Выделялись исполнитель преступления, подстрекатель, пособник, недоноситель и попуститель. В некоторых случаях недоносительство отражалось в законодательстве как самостоятельное преступление. «В уголовных законах Петра I встречаются только в виде исключения нормы, устанавливающие различную ответственность соучастников»⁵⁹.

Необходимо иметь в виду, что в петровскую эпоху сохраняли свою силу положения Соборного уложения, поэтому при оценке законодательной характеристики соучастия и наказуемости соучастников следует исходить в том числе и из его установлений.

Небезынтересно отношение Петра I к самоубийцам и дуэлянтам. Согласно арт. 139 Воинского устава поединки были запрещены, «и ежели случитца, что оба или один из них в таком поединке останется, то их и по смерти за ноги повесить». В соответствии с арт. 15 Патента о поединках и начинании ссор дуэлянты, «ежели же биться начнут,

меньше, чем за оконченное преступление. Во-первых, «начатое изнасилствие женщины, а неоконченное наказуется по рассмотрению» (толкование к арт. 167); во-вторых, «ежели вор, правда, ворветца в намерении украсть, но и в том пойман или отогнан, или помешает ему кто, что ничего с собою не унес, онаго також шпицрутенами полегче наказать надлежит» (толкование к арт. 185).

⁵⁸ Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. С. 74.

⁵⁹ Там же.

и в том бою убиты и ранены будут, то как живые, так и мертвые повешены да будут». Тело самоубийцы надлежало палачу «в бесчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам или обозу» (арт. 164). По арт. 117 Морского устава самоубийца «мертвый за ноги повешен быть имеет».

В глазах Петра I самоубийца и участник поединка — это мятежники, нарушители «интересов государственных», осмелившиеся распорядиться тем, что ему не принадлежит, а составляет собственность государства. Подобные правовые последствия преследовали одну-единственную цель: удержать других лиц от подобных действий; иначе говоря, государь рассчитывал на общепреventивное воздействие своего повеления.

Обстоятельства, исключаяющие преступность деяния, в уголовном и военно-уголовном законодательстве были представлены только двумя их видами: необходимой обороной и крайней необходимостью. Как замечает П.С. Ромашкин, «законы Петра I (Воинский и Морской уставы) сильно ограничивают право необходимой обороны и допускают необходимую оборону (“нужное оборонение”) только для защиты своей жизни и телесной неприкосновенности... Лишь в виде исключения разрешается безнаказанно убить вора, ворвавшегося ночью в дом...»⁶⁰.

Правомерность необходимой обороны обуславливается рядом обстоятельств (арт. 157 Воинского устава и толкование к нему):

во-первых, соразмерность обороны нападению («оборонение со обижением равно есть»); единственное исключение — нападающий сильнее обороняющегося, и в связи с этим «смертной страх есть», или когда нападающий «крепко станет нападать и смертно бить». В таких случаях можно защищаться с применением оружия, ибо когда «смертной страх есть, надлежит обороняться как возможно»;

во-вторых, наличность посягательства (это условие правомерности Ромашкин ошибочно называет реальностью посягательства; в законодательстве говорится о времени «оборонения», что относится к наличности нападения); по петровскому законодательству разрешалась защита, когда была угроза нападения, «тогда не должен есть от соперника себе первого удара ожидать, ибо чрез такой первый удар может тако учиниться, что и противится весьма забудет»;

в-третьих, защита возможна только от противозаконного, «неправого нападения»;

в-четвертых, не образует основания для необходимой обороны ситуация, когда обороняющийся сам был зачинщиком драки и вызвал ответное нападение.

В.И. Сергеевич писал: «Воинский устав говорит только об одном случае крайней необходимости, а именно: о случае крайней необходимости от голода»⁶¹.

П.С. Ромашкин считал это утверждение ошибочным. Действительно, два артикула Воинского устава наличие крайней необходимости обуславливали состоянием «голодной нужды». Например, в арт. 123 говорится: «Притчины, которых ради... извинены быть могут... суть следующие: (1) Крайней голод, когда ничего не будет, чем человек питаться может, имея наперед всевозможную в пище бережность...». Толкование к арт. 195 гласит: «Наказание воровства обыкновенно умалется, или весьма отставляется, ежели кто из крайней голодной нужды (которую он доказать имеет) съестное или питейное, или иное что невеликой цены украдет...».

Между тем Артикулы воинские содержат еще один вид крайней необходимости, который даже современные юристы часто используют для иллюстрации причинения вреда третьим лицам, исключаяющим преступность деяния. Речь идет об арт. 180, согласно которому лицо не подлежит ответственности, «когда у подданных дворы, бревна, заборы и протчее сломаны и сожжены, или хлеб на поле стравлен, или потрачен будет... по необходимости нужде».

М.Н. Гернет, оценивая исследование П.С. Ромашкиным понятия и социальной сущности преступления по уголовному и военно-уголовному законодательству Петра I, пишет: «Его изложение... всегда носит характер сравнительного изучения отношения к проблемам общей части уголовного права петровской эпохи и предшествующего законодательства. Это придает ознакомлению с петровским уголовным правом четкость, ясность и выявляет его прогрессивное значение»⁶².

Исследование вопросов наказания П.С. Ромашкин начинает с определения постулированных в законодательстве Петра I целей. Такой подход методологически допустим, так как именно последние обуславливают соответствующие уголовно-правовые средства воздействия на наказываемых лиц, поскольку эти два социально-правовых явления — цели и средства их достижения — находятся в дихотомической связи. Однако, в отличие от преступления, автор не дает понятия наказания, не выделяет его признаков. С точки зрения теории познания

⁶⁰ Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. С. 71.

⁶¹ Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 494.

⁶² Гернет М.Н. Указ. соч. С. 82.

как таковой и теории пенологии в частности формулирование дефиниции исследуемого явления позволило бы более четко представить сущность наказания, его уголовно-правовую природу, функции и задачи, стоящие перед ним в определенную историческую эпоху. Вероятнее всего, это объясняется тем, что уголовное и военно-уголовное право не содержало дефиниции наказания, ограничиваясь конкретными видами и сроком (размером) воздействия на виновного, а научных исследований было явно недостаточно.

По уголовному и военно-уголовному законодательству Петра I П.С. Ромашкин выделяет четыре цели наказания: 1) устрашение; 2) исправление преступника и выгодное его использование; 3) «обеспечение государства от преступников путем изоляции их от общества»; 4) возмездие⁶³. Следует заметить, что наименование некоторых целей, указанных автором, не согласуется с общепринятыми их названиями в теории уголовного права и пенитенциарии⁶⁴. Так, выгодное использование преступника, судя по всему, основано на теории полезности наказания. «Цель эксплуатации преступников в интересах государства особенно сильно начинает осуществляться в карательных системах середины новых веков и продолжает быть одним из руководящих принципов карательной деятельности государства в течение продолжительного времени, пока не выдвигается представление о том, что наказание кроме полезности для государства должно заключать в себе в первую очередь полезность и для самого преступника»⁶⁵.

Трудно понять сущность третьей выделяемой П.С. Ромашкиным цели. По сути, речь идет об изоляции лица от общества в специальных пенитенциарных учреждениях. В этом случае данная цель может быть присуща лишь лишению свободы

или каторге, но она никак не сопрягается с другими видами наказания, например имущественными и иными⁶⁶. Между тем цели не должны отличаться исходя из вида наказания. К тому же изоляция от общества входит в характеристику лишения свободы, следовательно, уже поэтому она не может выступать и его целью: наказание не может достигать самое себя. Вероятно, недаром М.Н. Гернет в рецензии на монографию П.С. Ромашкина не упоминает такую цель, как «обеспечение государства от преступников путем изоляции их от общества»⁶⁷.

Особое внимание в работе уделено двум видам наказания – смертной казни⁶⁸ и имущественным взысканиям. Применение смертной казни в первую очередь отвечало цели устрашения. П.С. Ромашкин приводит десяток указов Петра I, согласно которым виновных следовало *наказывать* «безо всякой пощады», «со всякою жесточью» и т.д. К устрашению относилась и публичность исполнения наказания, усиливающая чувство страха населения. Однако предполагалось, что таким образом преступник удерживался от рецидива, а остальные подданные – от совершения преступлений. Так, Указ императора от 17 ноября 1718 г. предписывал «для большего страха, по знатым дорогам, где проезд бывает, поставить виселицы», на которых вешать виновных «не описываясь»⁶⁹. В гл. XLVII «О прихожей каморы» Генерального регламента от 28 февраля 1720 г. говорится, что «того ради надлежит публичному месту быть, где в указное время наказанье на теле и лишение живота чинено быть имеет, дабы всяк, смотря на то, от всяких прегрешений и преступлений себя мог охранить»⁷⁰.

Наличие цели устрашения П.С. Ромашкин объясняет следующим образом: «В эпоху Петра I была широко распространена преступность и особенно мятежи, воровство, грабежи, разбой, дезертирство, взяточничество и др. Петру I нужно было путем наказания преступников искоренить опасные элементы общества, стереть препятствия, встречающиеся в осуществлении реформ, и предотвратить распространение преступности в государстве.

⁶³ Возмездие – одна из самых древних карательных формул, отражающих право наказывать как проявление инстинкта мести. В литературе выделяется несколько теорий возмездия: материальное, диалектическое и божеское (см.: *Таганцев Н.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 42–45). Некоторые авторы называют до 15 таких теорий.

Ряд криминалистов не признают возмездие целью наказания. Например, А.А. Жижиленко писал, что «возмездие в понятии наказания образует само его содержание. Наказывать значит воздавать за учиненное сообразно оценке его. Возмездие не есть цель наказания. Наказание применяется не для того, чтобы воздать за совершенное. Если бы мы так понимали элемент возмездия в составе наказания, то мы должны были бы признать, что наказание заключает цель в самом себе, что оно является самоцелью» (см.: *Жижиленко А.А.* Очерки по общему учению о наказании. Пг., 1923. С. 32).

⁶⁴ См., напр.: *Фалеев Н.И.* Цели воинского наказания: диссертация на соискание звания экстраординарного профессора по кафедре военно-уголовных законов и Александровской военно-юридической академии. СПб., 1902; *Чучаев А.И.* Цели наказания в советском уголовном праве. М., 1989. С. 16–25.

⁶⁵ *Жижиленко А.А.* Указ. соч. С. 35.

⁶⁶ См.: *Егошин О.А.* Виды наказаний в отношении военнослужащих и их применение в эпоху Петра I // *Марийский юрид. вестник.* 2009. Вып. 7. С. 43; *Розенко С.В.* Система наказания в российском уголовном праве. М., 2016. С. 8–50; *Янченко Е.Е.* Наказание военнослужащих за преступления в дореволюционной России // *Общество и право.* 2012. № 2 (39). С. 137; и др.

⁶⁷ *Гернет М.Н.* Указ. соч. С. 82.

⁶⁸ См. подр.: *Сушкова Ю.Н.* Развитие уголовного законодательства в эпоху Петра I (взгляды П.С. Ромашкина) // *Социально-политические науки.* 2022. Т. 12. № 2. С. 37.

⁶⁹ *Реформы Петра I: сб. документов / сост. В.И. Лебедев.* М., 1937. С. 47.

⁷⁰ Там же. С. 131.

Следовательно, устрашающие наказания служили для Петра I некоторым орудием для осуществления его реформаторской деятельности»⁷¹. Таким образом, можно сделать вывод: цель устрашения заключается в формировании в результате применения наказания такого мотива, который, вступая в противоборство (конкурируя) с другими мотивами, должен «взять верх», преодолеть их и тем самым обеспечить правомерное поведение лица.

Рассматриваемая цель зиждется на безусловном признании того, что страхом наказания, страхом подвергнуться страданиям и лишениям, обусловленным карой за содеянное, можно оказать воздействие на психику человека, в результате которого он будет воздерживаться от совершения преступления. Отсюда вытекают два обстоятельства, которые необходимо иметь в виду при оценке указанной цели. Первое заключается в том, что чем суровее наказание, тем сильнее переживаемые физические и психические страдания, а стало быть, больше страха оно будет оказывать в обществе. Второе вытекает из первого: эффективность предупредительной деятельности как в отношении преступника, так и других лиц напрямую связывается с жестокостью наказания, его квалифицированными видами, причиняющими особые мучения наказываемому, порядком исполнения, унижающим преступника в глазах присутствующих, вызывающим презрение к нему. Таким образом, весь смысл наказания сводится к его жестокости. Личность виновного как объекта уголовно-правового воздействия не щадится; истязания и мучения, применяемые как средства реализации устрашения, должны были потрясти массы, оказать воздействие на всех и каждого. Между тем современные исследования показывают, что «расчет только на устрашающую сдерживающую силу наказания в борьбе с преступностью был бы недалек от нелепого... Поведение любого рода — результат предшествующих и наличных воздействий среды. Будущее не руководит поведением. Поведение формируется и детерминируется прошедшим и настоящим социальным опытом»⁷².

Как известно, в годы правления Петра I стал активно применяться в интересах государства труд осужденных. Кстати, именно это скорее всего обусловило сокращение применения смертной казни, впрочем, и в целом виды наказаний, направленных на физическое уничтожение преступника. Данное обстоятельство несколько не означало гуманизацию уголовной политики, просто такие карательные меры стали не выгодны государству, поскольку лишали его дармовой рабочей силы, применяемой на

тяжелых работах — в строительстве, мануфактурном производстве и т.д. В этом отношении показательно письмо Петра I (1703) князю Ромодановскому: «...аз доношу вашему величеству, что добрых людей довольство имеем; ныне же зело нужда есть, дабы не сколько тысяч воров (а именно есть ли возможно, 2000 чел.) приготовить к будущему лету, которых по всем Приказам, ратушам и городам собрать по первому пути и которые посланы в Сибирь, а ныне еще в Вологде»⁷³.

Причем следует заметить, что осужденные направлялись на работы не только в интересах государства, но и частных лиц. Например, Указ от 26 февраля 1719 г. гласит: «Били челом нам Московские полотняного завода компанейщики Андрея Турка с товарищами, чтоб для умножения полотняной фабрики тонких полотен отсылать к ним для пряжи льну баб и девок таких, которые будут... по делам за вины свои наказаны, а пропитание им они станут от себя». Император, предписывая отослать на работу указанных лиц, требует, чтобы в документах было отражено, «сколько которой лет в той работе быть, или по смерти, усматривая по их винам», а для караула «тем к бабам, чтоб они не бегали... к компании из отставных солдат, сколько человек заблагоразсудите, и чтобы они пропитание им давали от себя»⁷⁴.

В петровскую эпоху в судебной практике имущественные виды наказаний занимали значительное место, они применялись в качестве как основного, так и дополнительного наказания. Как правило, полученные таким образом средства шли либо в казну, либо имели целевое назначение, например, направлялись на содержание госпиталей, больниц, приютов и т.д. Законодательство Петра I исполнение имущественных наказаний обеспечивало в том числе и уголовно-правовыми средствами, предусмотрев их замену наказаниями, позволяющими использовать труд осужденных. Ромашкин приводит десяток таких указов императора. В одном из них, например, говорится: «А ежели кто штрафован будет денежным штрафом, а платить ему будет нечем, того отослать в галерную работу, зачитан по 10 руб. на год». По сути, указанные царские повеления закладывали основы ответственности в уголовном праве⁷⁵.

По петровскому законодательству замена наказания могла применяться и с целью улучшения положения осужденного, в частности приговоренного к смертной казни. Как правило, в отношении

⁷¹ Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. С. 74.

⁷² Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985. С. 161.

⁷³ Письма и бумаги императора Петра Великого: в 7 т. СПб., 1907. Т. 2. С. 558.

⁷⁴ Цит. по: Филиппов А. Указ. соч. С. 186, 187.

⁷⁵ См.: Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. С. 89.

таких лиц следовало «вместо смертной казни чинить жестокое... наказание, бить кнутом, пятнать новым пятном, вырезать у носа ноздри и ссылать на каторгу, в вечную работу»⁷⁶.

Смертной казни по уголовному и военно-уголовному законодательству Петра I, в частности, подвергались:

1) лица, совершившие: государственное преступление; бунт и измена считались наиболее тяжкими преступлениями (это видно и на примере расправы с участниками стрелецкого бунта, Астраханского, Булавинского и Башкирского восстаний), наказанию подлежали не только сами виновные, но и их семьи; преступление против религии (богохульство, святотатство, ересь и др.); взяточничество, «понеже многие лихоимства умножились»; иные преступления по службе (воевод — за невысылку людей к смотру; старост и приказчиков — за несообщение о наличии в поместьях беглых людей; за утайку «душ» на переписи; воевод — за казнокрадство и др.); дезертирство; укрывательство дезертиров; второй побег со службы; неявку в установленный срок дворян, офицеров и царедворцев в Санкт-Петербург или Москву; рубку корабельного леса;

2) по Императорскому указу от 9 января 1702 г. — лица, отказавшиеся возвратиться на родину из Швеции (за упорство в измене);

3) согласно грамоте от 7 января 1708 г. — за побег с Мазепой (в работе П.С. Ромашкина дается полный перечень деяний, каравшихся смертной казнью)⁷⁷.

«Сравнивая все... указы Петра I с Уложением 1649 г., — пишет П.С. Ромашкин, — нельзя не прийти к выводу, что указы Петра I несомненно мягче предыдущего законодательства, ибо они значительно уменьшили число преступлений, влекущих смертную казнь»⁷⁸.

Характеризуя исполнение наказания в виде лишения свободы (тюремного заключения), ученый вводит в научный оборот Указ Петра I от 26 февраля 1702 г. о починке и постройке вновь во всех городах тюрем за счет казны⁷⁹, характеризующий отношение императора к положению заключенных. О внимании Петра I к проблемам отбывания наказания свидетельствует и гл. XX Регламента Главному магистрату (16 января 1721 г.), согласно которой предписывалось строительство новых тюрем, содержание в которых предполагало обязательные работы («смирительные дома», или

«духтгаузы», — для мужчин, «прядельные дома» — для женщин).

Завершая исследование, П.С. Ромашкин обобщенно заключает: «Уголовные и военно-уголовные законы Петра I были целиком направлены на охрану общественного строя крепостников-помещиков, который был основан на тройном гнете крестьян, на защиту феодальной собственности и подавление сопротивления крестьян»⁸⁰.

В работе это представлено наглядно, с использованием императорских повелений, судебной практики и теоретических изысканий, проведенных дореволюционными криминалистами.

* * *

В советской литературе монография П.С. Ромашкина «Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I» стала первой и, к сожалению, последней работой, в которой всесторонне рассмотрены начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра Великого, заложены основы дальнейшего исследования законодательства петровской эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агузаров Т.К., Чучаев А.И. Уголовно-правовая охрана власти (XI — начало XX в.). Исторические очерки. М., 2011. С. 75–78.
2. Белогриц-Котляревский Л.С. О воровстве-краже по русскому праву. Историко-догматическое исследование. Киев, 1880. С. 93.
3. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права, части Общая и Особенная с примечаниями и дополнениями по истории русского права и законодательству полковнику Н. Неклюдова: в 2 т. Т. 1: Часть Общая. СПб., 1865. С. 235.
4. Бобровский П.О. Военное право при Петре Великом. СПб., 1887. С. 205.
5. Бобровский П.О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. Историко-юридическое исследование. СПб., 1878. С. 2.
6. Валишевский К. Петр Великий. М., б.г. С. 77.
7. Веретенников В.И. История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910. С. 187.
8. Гернет М.Н. Рец. на: П.С. Ромашкин. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I / под ред. А.А. Герцензона. Военно-юридическая академия. М.: РИО ВЮА, 1947, с. 94 // Сов. государство и право. 1947. № 12. С. 16, 81, 82.
9. Егосин О.А. Виды наказаний в отношении военнослужащих и их применение в эпоху Петра I // Марийский юрид. вестник. 2009. Вып. 7. С. 43.

⁷⁶ Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. С. 95.

⁷⁷ См.: там же. С. 98.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ См.: там же. С. 113.

⁸⁰ Там же. С. 115.

10. *Жижиленко А.А.* Очерки по общему учению о наказании. Пг., 1923. С. 32, 35.
11. *Исаев М.М.* Предисловие // *Шворина Т.И.* Военские артикулы Петра I / под ред. М.М. Исаева. М., 1940. С. 4.
12. *Кистяковский А.Ф.* Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть Общая. Киев, 1891. С. 235.
13. *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода Империи (XVIII–XIX вв.). СПб., 1909. С. 19, 457.
14. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 301.
15. *Логецкий А.А.* Преступление и проступок в уголовном праве XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 18.
16. *Наумов А.В.* Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. М., 2015. Ч. 1. С. 41.
17. *Неклюдов Н.А.* Приложения к учебнику уголовного права А. Бернера. СПб., 1865. С. 235.
18. Памятники русского права. М., 1961. Вып. XVIII. С. 294.
19. Письма и бумаги императора Петра Великого: в 7 т. СПб., 1907. Т. 2. С. 558.
20. *Пусторослев П.П.* Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1: Введение. Источники уголовного права. Преступление. Юрьев, 1912. С. 55.
21. Реформы Петра I: сб. документов / сост. В.И. Лебедев. М., 1937. С. 47, 131.
22. *Розенгейм М.П.* Очерки военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. С. 155.
23. *Розенко С.В.* Система наказания в российском уголовном праве. М., 2016. С. 8–50.
24. *Ромашкин П.С.* Вопрос о применении Военских артикулов Петра I в общих судах // Вестник Московского ун-та. Юридические науки. 1948. № 2. С. 3, 5–7.
25. *Ромашкин П.С.* Основные начала уголовного и военно-уголового законодательства Петра I / под ред. А.А. Герцензона. М., 1947. С. 47, 48, 61, 71, 74, 89, 95, 98, 113, 115.
26. *Ромашкин П.С.* Преступление и наказание по законодательству Петра I // Ученые записки МГУ (труды юридического факультета). 1948. Вып. 144. Кн. 3. С. 49, 50, 61.
27. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / под ред. А.Г. Манькова. М., 1986. С. 318, 320, 321.
28. *Семенова А.В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 56.
29. *Сергеевич В.И.* Лекции по истории русского права. СПб., 1890. С. 487, 494.
30. *Сергеевский Н.Д.* Русское уголовное право. Часть Общая. Пг., 1915. С. 20.
31. *Солодкин И.И.* Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.). Л., 1961. С. 33, 68, 69.
32. *Сухондяева Т.Ю.* Российское военно-уголовное законодательство и его эволюция в период абсолютизма (XVIII – начало XX вв.): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
33. *Сушкова Ю.Н.* Развитие уголовного законодательства в эпоху Петра I (взгляды П.С. Ромашкина) // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 37.
34. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции: часть общая [в 2 т.] / сост. и отв. ред. Н.И. Загородников. М., 1994. Т. 1. С. 101; т. 2. С. 42–45.
35. *Фалеев Н.И.* Цели воинского наказания: диссертация на соискание звания экстраординарного профессора по кафедре военно-уголовных законов и Александровской военно-юридической академии. СПб., 1902.
36. *Филиппов А.* О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформой. М., 1881. С. 186, 187, 375, 393.
37. Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 26.
38. *Чучаев А.И.* Цели наказания в советском уголовном праве. М., 1989. С. 16–25.
39. *Шаргородский М.Д.* Наказание по уголовному праву эксплуататорских государств. М., 1957. С. 260.
40. *Шворина Т.И.* Военские артикулы Петра I / под ред. М.М. Исаева. М., 1940. С. 14.
41. *Шендзиковский И.А.* Конспект лекций по истории русского военно-уголового законодательства. СПб., 1885.
42. *Яковлев А.М.* Теория криминологии и социальная практика. М., 1985. С. 161.
43. *Янченко Е.Е.* Наказание военнослужащих за преступления в дореволюционной России // Общество и право. 2012. № 2 (39). С. 137.

REFERENCES

1. *Aguzarov T.K., Chuchaev A.I.* Criminal law protection of power (XI – early XX century). Historical essays. M., 2011. P. 75–78 (in Russ.).
2. *Belogritys-Kotlyarevsky L.S.* About theft-theft under Russian law. Historical and dogmatic research. Kiev, 1880. P. 93 (in Russ.).
3. *Berner A.F.* Textbook of Criminal Law, parts General and Special with notes and additions on the history of Russian law and positive legislation by N. Neklyudov: in 2 vols. Vol. 1: Part General. St. Petersburg, 1865. P. 235 (in Russ.).
4. *Bobrovsky P.O.* Military Law at Peter the Great. St. Petersburg, 1887. P. 205 (in Russ.).
5. *Bobrovsky P.O.* Military laws of Peter the Great in manuscripts and first printed editions. Historical and legal research. St. Petersburg, 1878. P. 2 (in Russ.).
6. *Valishevsky K.* Peter the Great. M., without a year. P. 77 (in Russ.).
7. *Veretennikov V.I.* The history of the Secret Chancery of Peter the Great's time. Kharkov, 1910. P. 187 (in Russ.).
8. *Gernet M.N.* Rev.: P.S. Romashkin. The main principles of the criminal and military-criminal legislation of Peter I / ed. by A.A. Herzenzon. Military Law Academy. Moscow: RIO VUA, 1947, p. 94 // Soviet State and Law. 1947. No. 12. P. 16, 81, 82 (in Russ.).
9. *Egoshin O.A.* Types of punishments against military personnel and their application in the era of Peter I // Mariyskiy legal herald. 2009. Issue 7. P. 43 (in Russ.).

10. *Zhizhilenko A.A.* Essays on the general doctrine of punishment. Pg., 1923. P. 32, 35 (in Russ.).
11. *Isaev M.M.* Preface // *Shvorina T.I.* Military articles of Peter I / ed. by M.M. Isaev. M., 1940. P. 4 (in Russ.).
12. *Kistyakovskiy A.F.* Elementary textbook of general criminal law with a detailed description of the principles of Russian criminal legislation. The General part. Kiev, 1891. P. 235 (in Russ.).
13. *Latkin V.N.* Textbook of the history of Russian law of the Empire period (XVIII–XIX centuries). St. Petersburg, 1909. P. 19, 457 (in Russ.).
14. *Lenin V.I.* Complete works. Vol. 36. P. 301 (in Russ.).
15. *Logetskey A.A.* Crime and misconduct in Criminal Law XIX – early XX centuries: abstract ... PhD in Law. M., 2003. P. 18 (in Russ.).
16. *Naumov A.V.* Crime and punishment in the History of Russia: in 2 parts. M., 2015. Part 1. P. 41 (in Russ.).
17. *Neklyudov N.A.* Appendices to the textbook of Criminal Law by A. Berner. St. Petersburg, 1865. P. 235 (in Russ.).
18. Monuments Russian Law. M., 1961. Issue XVIII. P. 294 (in Russ.).
19. Letters and papers of Emperor Peter the Great: in 7 vols. St. Petersburg, 1907. Vol. 2. P. 558 (in Russ.).
20. *Pustoroslev P.P.* Russian Criminal Law. The General part. Issue 1: Introduction. Sources of Criminal Law. Crime. Yuryev, 1912. P. 55 (in Russ.).
21. Reforms of Peter I: collection of documents / comp. V.I. Lebedev. M., 1937. P. 47, 131 (in Russ.).
22. *Rosenheim M.P.* Essays of military court institutions in Russia before the death of Peter the Great. St. Petersburg, 1878. P. 155 (in Russ.).
23. *Rozenko S.V.* The system of punishment in Russian Criminal Law. M., 2016. P. 8–50 (in Russ.).
24. *Romashkin P.S.* The question of the use of Military articles of Peter I in general courts // Herald of the Moscow University. Legal sciences. 1948. No. 2. P. 3, 5–7 (in Russ.).
25. *Romashkin P.S.* The basic principles of criminal and military-criminal legislation of Peter I / ed. by A.A. Gertsenzon. M., 1947. P. 47, 48, 61, 71, 74, 89, 95, 98, 113, 115 (in Russ.).
26. *Romashkin P.S.* Crime and punishment under the legislation of Peter I // Scientific notes of Moscow State University (Proceedings of the Faculty of Law). 1948. Issue 144. Book 3. P. 49, 50, 61 (in Russ.).
27. Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vols. Vol. 4: Legislation of the period of the formation of absolutism / ed. by A.G. Mankov. M., 1986. P. 318, 320, 321 (in Russ.).
28. *Semenova A.V.* The provisional revolutionary government in the plans of the Decembrists. M., 1982. P. 56 (in Russ.).
29. Russian Criminal Law lectures on the History of Russian Law. St. Petersburg, 1890. P. 487, 494 (in Russ.).
30. *Sergeevskiy N.D.* Russian Criminal Law. Part General. Petrograd, 1915. P. 20 (in Russ.).
31. *Solodkin I.I.* Essays on the history of Russian Criminal Law (the first quarter of the XIX century). L., 1961. P. 33, 68, 69 (in Russ.).
32. *Sukhondyaeva T. Yu.* Russian military-criminal legislation and its evolution in the period of absolutism (XVIII – early XX centuries): dis. ... PhD in Law. SPb., 2006 (in Russ.).
33. *Sushkova Yu. N.* The development of criminal legislation in the era of Peter I (views of P.S. Romashkin) // Socio-political Sciences. 2022. Vol. 12. No. 2. P. 37 (in Russ.).
34. *Tagantsev N.S.* Russian Criminal Law: lectures: general part [in 2 vols] / comp. and ed. by N.I. Zagorodnikov. M., 1994. Vol. 1. P. 101; vol. 2. P. 42–45 (in Russ.).
35. *Faleev N.I.* Goals of military punishment: dissertation for the title of extraordinary professor at the Department of Military Criminal Laws and the Alexander Military Law Academy. St. Petersburg, 1902 (in Russ.).
36. *Filippov A.* On punishment under the legislation of Peter the Great in connection with the reform. M., 1881. P. 186, 187, 375, 393 (in Russ.).
37. The French Republic: Constitution and legislative acts. M., 1989. P. 26 (in Russ.).
38. *Chuchaev A.I.* The purpose of punishment in Soviet Criminal Law. M., 1989. P. 16–25 (in Russ.).
39. *Shargorodskiy M.D.* Punishment under the criminal law of exploitative states. M., 1957. P. 260 (in Russ.).
40. *Shvorina T.I.* Military articles of Peter I / ed. by M.M. Isaev. M., 1940. P. 14 (in Russ.).
41. *Shendzikovskiy I.A.* Lecture notes on the history of Russian military criminal legislation. St. Petersburg, 1885 (in Russ.).
42. *Yakovlev A.M.* Theory of criminology and social practice. M., 1985. P. 161 (in Russ.).
43. *Yanchenko E.E.* Punishment of servicemen for crimes in pre-revolutionary Russia // Society and Law. 2012. No. 2 (39). P. 137 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЧУЧАЕВ Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

CHUCHAEV Aleksandr I. – Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia